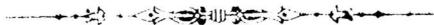

Н. В. Никольскій.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ МИЛЬКОВИЧА,

ПИСАТЕЛЯ КОНЦА XVIII ВѢКА,

О ЧУВАШАХЪ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Казанскаго Университета.

1906.

Этнографическій очеркъ Мильковича, писателя конца XVIII вѣка, о чувашахъ.

Вѣкъ императрицы Екатерины II можетъ быть названъ вѣкомъ оживленія этнографіи. Интересуясь положеніемъ разныхъ народностей имперіи для цѣлей законодательства, она не упускала изъ вида и науки объ инородцахъ. Говоримъ такъ на основаніи программы правительства, разосланной по магистратамъ, нижнимъ зѣмскимъ судамъ и прочимъ учрежденіямъ. Оффиціальная программа заключаетъ въ себѣ вопросы административнаго, историко-археологическаго и даже геологическаго свойства.

Кромѣ свѣтскихъ лицъ, къ доставленію свѣдѣній на вопросы программы были призваны и духовныя лица. Извѣстны этнографическіе наброски Дамаскина, епископа нижегородскаго и алатырскаго, о чувашахъ и мордвѣ, напечатанные А. Можаровскимъ въ Московскихъ церковныхъ вѣдомостяхъ за 1880 г. № 5, подъ заглавіемъ: „Вѣрованія, молитвенныя призыванія и обряды чувашъ и отчасти мордвы нижегородской епархіи по сообщенію преосвященнаго Дамаскина императрицѣ Екатеринѣ II“.

Изъ должностныхъ лицъ симбирскаго намѣстничества ¹⁾ особенно много потрудился надворный совѣтникъ Тимошей Масленицкій. Характеръ своей работы Масленицкій указалъ уже въ самомъ заголовкѣ своей рукописи. Приводимъ этотъ

¹⁾ Въ составъ намѣстничества входили слѣдующія округа съ чувашскимъ населеніемъ: бунинская, сенгилевская, канарейская, тагайская, симбирская, карсунская, городищенская.

текстъ полностью. „Топографическое описаніе симбирскаго намѣстничества вообще и порознь городовъ и уѣздовъ и обитающихъ въ немъ иноязычныхъ народовъ по запроснымъ пунктамъ отъ Кабинета Ея Императорскаго Величества 1784 года.

Сочиненное изъ доставленныхъ свѣдѣній о городахъ отъ городскихъ магистратовъ обще съ комендантами и городничими, объ уѣздахъ нижнихъ земскихъ судовъ и отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, съ приобщеніемъ историческихъ касательно до старины здѣшней, надворнымъ совѣтникомъ Тимофеемъ Масленицкимъ“.

Въ своемъ изложеніи Масленицкій строго слѣдуетъ полученной отъ Кабинета программѣ. Отвѣты его на вопросы можно назвать лаконическими. Цѣнны въ его описаніяхъ статистическія свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ въ симбирскомъ намѣстничествѣ, объ ихъ занятіяхъ, школахъ, церквахъ и монастыряхъ среди инородцевъ.

Конецъ рукописи Масленицкаго заключаетъ въ себѣ спеціальныя описанія быта татаръ, мордвы и чувашъ, сдѣланныя уѣзднымъ землемѣромъ Мильковичемъ. Первые два очерка отпечатаны нами: о татарахъ—въ „Извѣстіяхъ по Казанской епархіи“ за 1905 г., о мордвѣ—въ „Тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“ 1905 г. № 18 и отдѣльными брошюрами¹⁾. Какъ тамъ, такъ и здѣсь нами удержаны первоначальный текстъ упомянутыхъ очерковъ.

Этнографическій очеркъ Мильковича о чувашахъ впервые появился въ печати въ „Сѣверномъ архивѣ“ за 1827 годъ и во многомъ измѣненъ противъ оригинала. Издатели „Сѣвернаго архива“ мало церемонились и съ чувашскимъ текстомъ рукописи. Тѣмъ не менѣе въ 1881 году для этого очерка нашелся новый издатель - В. К. Магницкій, придававшій вмѣстѣ съ А. Сбоевымъ серьезное значеніе рукописи, какъ описанію, единственному по обстоятельности сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣ-

¹⁾ Брошюра о татарахъ носитъ заголовокъ: «Бытъ и вѣрованія татаръ симбирской губерніи, въ 1783 году»; брошюра о мордвѣ: «Бытъ и вѣрованія мордвы симбирской губерніи въ 1783 году».

ній. Дѣйствительно, очеркъ Мильковича несравненно выше, чѣмъ описанія предшественниковъ этнографовъ XVIII в., какъ-то: Миллера ¹⁾, Рычкова ²⁾, Георги ³⁾ Палласа ⁴⁾, Лепехина ⁵⁾. Авторъ постарался изложить на бумагѣ все то, что читалъ въ трудахъ предшественниковъ и пополнить недостающее собственными наблюденіями. Такъ, со словъ Татищева онъ утверждаетъ, что чувашаи „суть древніе болгары“, находя, очевидно, вполне удовлетворительнымъ замѣчаніе Татищева „о болгарскомъ народѣ, кой назывался чолматы, и живали внизъ по Камѣ рѣкѣ, изъявляя, что опи р. Каму именуютъ Чолма, а татары Чолманъ идель“ ⁶⁾. Христіанство, по Мильковичу, принято чувашами въ 1723 году. Можетъ быть, здѣсь надо видѣть заимствованіе у того же Татищева или Страленберга.

Наблюденія Мильковича надъ чувашами въ его положеніи были вполне возможны. Какъ уѣздному землемѣру, ему приходилось имѣть сношеніе съ мѣстными чувашами, но съ какими именно, трудно сказать. В. К. Магницкій, перепечатавшая статью Сѣв. архива „О чувашахъ. Этнографическій очеркъ неизвѣстнаго автора конца XVIII в.“, высказываетъ предположеніе, что этотъ анонимъ—не кто иной, какъ священникъ курмышскаго уѣзда, знавшій лишь верховой говоръ чувашъ. Дѣйствительно, всѣ чувашскіе тексты очерка написаны на верховомъ нарѣчій чув. языка. Но изъ этого едва-ли слѣдуетъ то, что авторомъ текстовъ былъ житель курмышскаго уѣзда. Дѣло въ томъ, что эти тексты по частямъ мы находимъ и у предшественниковъ Мильковича по этнографіи, напр. Мил-

¹⁾ Описаніе живущихъ въ казанской губерніи языческихъ народовъ, яко-то черемисъ, чувашъ и вотяковъ по возвращеніи въ 1743 изъ камч. экспедиціи. Спб. 1791.

²⁾ Топографія оренбургская. Спб. 1762 г. ч. I, стр. 187—189.

³⁾ Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im den Jahren 1773 und 1774. Petersburg. B. II, s. 849—856.

⁴⁾ Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Пер. Зуева.

⁵⁾ Дневныя записки.

⁶⁾ Петръ Рычковъ. Топографія оренбургская. Спб. 1762. Ч. I, стр. 187.

лера, Георги и пр.. Кажется, сначала нужно доказать, что Мильковичъ не пользовался трудами своихъ предшественниковъ, а самъ собралъ весь матеріалъ, потомъ уже можно дѣлать сужденіе относительно мѣста его наблюденій. А пока что—вопросъ остается открытымъ.

Въ какомъ отношеніи стоитъ Мильковичъ конца XVIII в. къ однофамильному автору труда подъ заглавіемъ ¹⁾: „исторіографическое описаніе о казанской губерніи, что прежде было царство болгарское, потомъ казанское, о первобытномъ и нынѣшнемъ ея состояніи ..“?

Въ 90-хъ годахъ XVIII ст. Мильковичъ работалъ въ г. Казани надъ составленіемъ плановъ земельныхъ владѣній монастырей раио., зилантова и др. ²⁾. Такимъ образомъ, землемѣръ Мильковичъ въ 1783 г. служитъ въ Симбир. намѣстничествѣ, въ 90-хъ годахъ—въ Казани и въ 1804 г.—въ Уфѣ. Нѣтъ основаній видѣть здѣсь разныхъ лицъ. Думаемъ, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ имѣется въ виду Капитонъ Мильковичъ, мѣнявшій свое мѣстожительство соотвѣтственно нуждамъ землемѣрія въ томъ или иномъ районѣ.

Передвиженія помогали Мильковичу пополнять запасъ своихъ этнограф. наблюденій. Такъ, въ „Описаніи“ 1804 года онъ даетъ новыя свѣдѣнія, напр. преданіе о князѣ Пулатѣ и др.

Въ виду этого мы считаемъ не бесполезнымъ издать то и другое описанія,—первое въ томъ видѣ, въ какомъ нашли его въ рукописи, принадлежащей Симбирской Ученой Архивной Коммиссіи, второе—въ извлеченіяхъ, касающихся чувашъ, изъ рукописи С.-пб. Духовной Академіи № 315 ³⁾. Въ примѣчаніяхъ нами дана посильная реставрація искаженного чувашскаго текста рукописей въ современной транскрипціи.

Н. Никольскій.

¹⁾ Подробный заголовокъ рукописи и описаніе ея см. въ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. Т. XIV, в. V, стр. 498 и далѣе.

²⁾ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. Т. XIX, в. IV, стр. 138 примѣч.

³⁾ Копія имѣется въ библиотекѣ Общ. Арх., Ист. и Этн.

Быть и вѣрованія чувашъ Синбирской губерніи.

(Изъ записокъ уѣзднаго землемѣра Мильковича 1783 г.)

Чуваши, какъ сами, такъ и отъ Россіянъ симъ именемъ называющіеся и прежде сего жилища свои имѣвшіе внизъ по р. Волгѣ,—суть древніе Болгары; они наполняли весь уѣздъ Казанской и Синбирской, но при воспріятіи крещенія нѣкоторые изъ нихъ, не хотя вступить въ Христіанскую вѣру, першедъ въ луговую сторону рѣки Волги, въ Башкиры и въ другія мѣста, тамъ поселились, а иные переселились въ разные мѣста по нагорной сторонѣ Волги, смѣшались съ Мордвою, Татарами и Черемисами *) однакожь и нынѣ еще оныхъ въ Синбирскомъ Намѣстничествѣ въ языческомъ суевѣріи оставшихся, живущихъ особыми деревнями и обще съ воспріавшими крещеніе дѣйствительно платящихъ подать, считается до 66157, изъ нихъ крещеныхъ 62894 души обоего пола.

Они говорятъ отъ Сарматскаго происшедшимъ и смѣшаннымъ съ татарскимъ языкомъ. Чуваши прежде, пребывая въ идолопоклонствѣ, вели жизнь кочевую, но потомъ всѣ возлюбили землешество и уже большая изъ нихъ половина въ нынѣшнемъ столѣтіи крестилась и исповѣдуетъ Христіанскую вѣру.

Сей народъ навикнувъ изъ давнихъ лѣтъ житьествовать не въ городахъ, но въ малыхъ деревушкахъ, весьма охотно свои жилища заводять стараются въ лѣсахъ, при хорошихъ источникахъ, на ровныхъ и сухихъ мѣстахъ, а дабы въ теченіи всего лѣта не только во дворахъ, но и подлѣ самыхъ своихъ хороминъ зеленѣющіяся деревья и траву имѣть они могли, сеются очень рѣдко.

Окружающія ихъ житницы, источники и роци никогда они не рубяють, а тѣ, которые изъ нихъ остались въ идолопоклонствѣ, посвящаютъ ихъ своимъ богамъ. Соловьевъ, зяблиць, скворцевъ и прочихъ птицъ ловить почитаютъ за грѣхъ, а тѣмъ, кои у нихъ во дворахъ жить могутъ, дѣлають гнѣзда, въ разсужденіи чего весною и въ продолженіи всего лѣта бываетъ у нихъ свѣдѣ велень, что самое, а особливо безпрестанное пѣніе птицъ награждаютъ прочія, въ расположеніи ихъ жилищъ недостатки.

Годовъ они по порядку не числятъ, а зима и лѣто составляютъ ихъ годъ, который начинается съ нашимъ Ноябрьремъ мѣсяцемъ и оный называютъ

*) Россійской господина сочинителя Татищева исторіи 22 главы, 1 части, 317 стр. въ XVIII отдѣленіи.

они *Чукъ-Уигъ* ¹⁾, т. е. жертвенный мѣсяцъ; ибо въ началѣ своего года, или сего перваго въ году мѣсяца, для изъявленія чувствительнѣйшей за уржай хлѣба благодарности, изъ ново-созрѣвшаго первый и пиво посвящаютъ главнымъ двумъ обожаемымъ благотворнымъ своимъ существамъ, — небесному Богу и владычествующему надъ ними Государю, изъ котораго лучшее и приносятъ имъ въ жертву. Сіе отправляемое ими въ началѣ ихъ года жертвоприношеніе и правднество называется *Чукаема* ²⁾ и дѣля-же начинается у нихъ съ Пятницы — *Эрнекомъ* ³⁾, которая есть при томъ и день ихъ отдохновенія, а среду называютъ кровавымъ днемъ — *Тонкомъ* ⁴⁾.

Чуваши лицомъ по большей части блѣдны; въ дѣлахъ своихъ не расторопны и въ расположеніи жизни, противъ другихъ народовъ, низки; разумъ ихъ болѣе направленъ къ разнымъ суевѣріямъ и многобожіямъ. Они легковѣрны и предприимчивы, но робки и смирны. Главное ихъ упражненіе въ хлѣбопашествѣ и въ другихъ земледѣльческихъ трудахъ, но ремеслъ и рукодѣлій не знаютъ.

Они лѣтомъ живутъ въ построенныхъ изъ хорошаго лѣсу шалашахъ, а зимою въ черныхъ хижинахъ и темнотѣ, у которыхъ на одной только двери для освѣщенія вырѣзаны вверху небольшіе полкруга, а хотя и сдѣланы на востокъ и на полночь еще два маленькія волоковья окна, но открываются весьма рѣдко, а тѣ, которые живутъ въ отдаленіи отъ *Россіи*, не имѣютъ и оконницъ.

Пища ихъ весьма бѣдная и состоитъ болѣе въ молокѣ и вареныхъ въ водѣ маленькихъ кусочкахъ полбннаго хлѣба, по ихъ называемому *Лика* ⁵⁾, также ѣдятъ они свареную въ водѣ или провѣсную бѣшеную рыбу сявурканъ пола ⁶⁾; но пребывающіе изъ нихъ въ языческомъ суевѣрїи, свиною гнушаются, что самое переняли они отъ татаръ; что-жъ у Чувашъ полуще случится, то берегаютъ они для прїѣзжающихъ къ нимъ людей и на продажу.

Напитки ихъ составляютъ по большей части одно только пиво и медъ. Оное приготавливаютъ они весьма часто, посвящая бочки благотворнымъ своимъ божествомъ и рѣдкій мѣсяцъ проходитъ, чтобы и самый бѣдный чувашининъ не варилъ пиво, — однако-жъ прїѣзжающихъ своихъ угощаютъ однимъ только своимъ пивомъ, а изъ пищи, развѣ для отмѣннаго гостя, жарятъ въ масле двѣ или три маленькія часточки, по ихъ называемаго *Шурдана* ⁷⁾, который дѣлаютъ они лѣтомъ изъ бараньяго, или изъ оставшагося отъ жертвоприношенія разныхъ животныхъ жаренаго мяса; изрѣзавъ оныя въ мелкія кусочки, и, посоливъ, начиниваютъ ими бараньи кишки, а послѣ коптятъ. Да и тѣ три маленькія часточки хозяинъ и гости, подчужь между собою, дѣлятъ еще частей на 20 и болѣе. Они, не зная ни грамотѣ ни буквѣ, письменнаго у себя закона не имѣютъ. Но естественная любовь, владычествующая ими, обязываетъ ихъ о несчастномъ сожалѣть, просящему дѣлать помощь и не желать того ближнему, чего себѣ не желаютъ; а потому и почитаютъ они всякую обиду за грѣхъ. *Чуваши* весьма добродушны, и, ненавыкнувъ изъявлять свое усердіе на словахъ, изъявляютъ оное на самомъ

¹⁾ Примѣчанія см. въ концѣ.

дѣлѣ, ибо какой-бы то нишій, заѣхавши къ нимъ путешествующій ни былъ, когда оный представляетъ видъ постоянного и обходительнаго человѣка, пріемлется ими простодушно и угощается всѣмъ тѣмъ, что у нихъ случится. Они всякаго странствующаго привѣтствуютъ простыми и усердными своими словами, говоря: пермбуркась⁹⁾, т. е. что они на всегда жить и общество съ нимъ имѣть хотятъ.

Чуваши народъ отмѣнно благодарный и противу оказанныхъ имъ благодѣяній столько чувствительны, что не только противу благодѣтелей своихъ изъявляютъ безковарные знаки своего искренняго почитанія и любви, но если-бъ того ихъ благодѣтеля и въ живыхъ болѣе не было, а чрезъ долгое время послѣ родственника его они увидятъ, то и ему всего, что чувствительность и не лицемерная благодарность требуетъ, изъявляютъ.

Государя своего не иначе почитаютъ они, какъ владычествующее надъ ними и благовоорящее имъ божество, въ разсужденіи чего для изъявленія къ сей обожаемой ими Высочайшей особѣ ихъ истиннаго благоговѣнія, изъ новосозрѣвшаго хлѣба первыя и лучшія по ихъ вкусу приготовленныя пиши и питіе посвящаютъ они въ жертву обще съ Богомъ вышнимъ, а потомъ въ разныя времена года приносятъ жертвы и съ другими благотворными имъ божествами, Государю, ибо воображаютъ они, что сіи благотворные ихъ божества какъ-то Богъ вышній ниспосылаетъ имъ дожди и изобиліе, солнце причинствуетъ временамъ годовъ и жатвѣ, согрѣваетъ землю и раститъ плоды, но земля-де, производящая изобиліе и питающая ихъ поля, лѣса, луга, воды, паствы и прочія выгоды,—сіи полезнѣйшія и цѣннѣе ихъ пріятнѣйшія предметы, ни отъ кого иного дарованы имъ, какъ отъ всещедрой десницы монарховъ, слѣдовательно-де все оное и представляетъ имъ живое начертаніе оказанныхъ для нихъ высоко-монаршихъ милостей и благодѣяній, да и дѣяніе народамъ благонаравія и законовъ а также и судей, коихъ они на своемъ языкѣ называютъ *тюря*⁹⁾, что значить справедливъ, или прямо возстановлены и даны имъ отъ Государя и поколику-де сіе превращеніе временъ и лѣтъ, дѣйствіе солнца, земли и прочихъ существъ есть превосходящее ихъ понятіе и чувствамъ не постижимое, но имъ благотворимъ; отъ теплоты солнечной созрѣваютъ плоды и жатва, земля производить и произрастаетъ поля, лѣса и воды, къ продолженію ихъ жизни способствуютъ, да и тамъ-де, гдѣ и когда болѣе силъ и стараній они употребляютъ, хлѣбъ родится гораздо хуже, нежели тамъ, гдѣ употреблены весьма посредственныя; слѣдовательно-де въ разсужденіи сего изъ древности обождать и эту самую Высочайшую особу и чтить съ Богомъ вышнимъ и съ каждымъ изъ нихъ жертвоприношеніями соединенно, которая потомства ихъ пользованія сими благотвореніями, есть виновница, начало и причина. Къ звѣриной ловлѣ они имѣютъ не малую охоту и употребляютъ нынѣ болѣе винтовки, нежели лукъ и стрѣлы.

Мужчины платье носятъ зимою сверхъ шубы, простого, своей работы сукна, кафтаны, а лѣтомъ *золотинное*, вышитое крашеными, шерстяными нитками, нашивая на оное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ красныя китаешныя и кумачныя лоскутки, прочее же ихъ одѣяніе, какъ-то: обувь, чулки, онучи, охапки, шляпы и шапки—дѣлаютъ ихъ на русскихъ мужиковъ похожими.

Женщины и дѣвки разнятся между собою, въ разсужденіи одѣянія, потому только, что дѣвки носятъ платье по-хуже, какъ-то: нижнее одѣяніе и рубахи, верхняя рубаха есть ихъ обыкновенное и общее лѣтнее одѣяніе, поясъ, отъ котораго пускають лопасты, *сарроу*¹⁰⁾ называемый, прижимая ее къ тѣлу; женщины зимою надѣвають на рубахи такимъ же почти образомъ сдѣланныя шубы, или суконныя, разныхъ цвѣтовъ охабки, а лѣтомъ нѣкоторое вышитое и обложенное кружевнымъ бѣлое холстинное одѣяніе, называемое *шлбуръ*¹¹⁾. Женская шапка, *фунту*¹²⁾, вся покрыта корольками, поддѣланными червонцами, бисеромъ и мелкими, на подобіе чешуи расположенными серебряными монетами, точно также украшена и нижняя половина проведеннаго подъ поясъ долгаго хвоста: подъ шапкою носятъ бѣлую, вышитую и по краямъ корольками унизанную фату, которою невѣсты, какъ бы покрываломъ, *торганьикъ*¹³⁾, лицо свое занавѣшиваютъ, у женщинъ-же висятъ просто оба конца оной на груди и бывають не рѣдко прикрашены кисточками и бахромками, волосы заплетаютъ они въ двѣ косы и прячуть подъ рубаху, перевѣшиваютъ иногда чрезъ лѣвое плечо ремень, на подобіе перевязки, который бываеть шириною въ ладонь и весь покрытъ серебряными монетами, *корольками*, бисеромъ змѣиными головками и поддѣланными червонцами—*теветъ*¹⁴⁾; а дѣвки на головѣ носятъ остроконечныя къ верху шапки, вышнанныя бисеромъ и покрытыя серебряными денгами—*тухья*¹⁵⁾.

Когда обѣдаютъ, или ужинають, то сидя за столомъ, прежде, нежели примутся ѣсть, говорятъ *исмилля бертерли*¹⁶⁾ благослови единачный Боже; а наѣвшись: *тавдя носъ торра надиша тьюме*¹⁷⁾ благодаримъ васъ вышній Боже, Царю; и гостей своихъ, если которые сидятъ отъ стола далеко, то подчуютъ они ложками. вмѣсто кровати служатъ имъ такъ, какъ и татарамъ, широкія палаты, на которыхъ не очень скудные спятъ на перинахъ.

Когда родить чья нибудь жена, тогда бабка, взявъ два сырыхъ яйца, разбиваеть лутошкой (сырая липовая палочка) надъ головою рожденнаго, говоря: *сирлакъ*¹⁸⁾, что значитъ помилуй,—отрываетъ курицѣ голову, и, оную такъ и разбитыя яйца, бросають за ворота. Чуваши вѣрують, что разбитіемъ яицъ и отрываніемъ курицѣ головы, удовлетворяють они нечистому духу и онъ, принявъ отъ нихъ сію жертву, оставляетъ человѣка безъ вреда; въ разсужденіи чего, какъ при рожденіи надъ младенцемъ, такъ и во время бракосочетанія надъ невѣстою и по кончинѣ надъ умершимъ, лутошкой разбивають сырыхъ яйца, причемъ относятъ въ *Ирзаму*¹⁹⁾ Кереметь*), называемому Момоля и деньги, потомъ собираются къ родильницѣ на посѣщеніе. Пріятели и подруги пьютъ пиво и дарятъ новорожденнаго каждая въ стаканѣ по нѣскольку копѣекъ, на послѣдокъ приходитъ *Юмса*²⁰⁾, который съ великимъ почтеніемъ родительницей, домашними и гостями принимается и всѣ единогласно просятъ о нарѣченіи новорожденному младенцу счастливаго имени; она по просьбѣ ихъ взявъ въ руку ковшъ съ водою, и, выговоривъ надъ нимъ тихонько нѣсколько словъ, даетъ пить родительницѣ и младенцу, представляя притворный видъ, будто она въ

*) Мольбище.

восторгѣ, между тѣмъ выдумываетъ и даетъ имя, говоря, что вдохновеніемъ боговъ, получа счастливое имя, дарствуетъ оно рожденному.

Ежели кто вздумаетъ жениться, то свать, которымъ обыкновенно бываетъ жениховъ отецъ, дядя или большой братъ, торгуютъ дѣвку очень пріятно; обыкновенная невѣстамъ цѣна простирается отъ 20 до 60 руб., но иные за 5 или 10 рублей женъ получаютъ, даваемые за невѣсту деньги называются *калымъ* ²¹⁾. Невѣсты приданое, состоящее въ дворовомъ скотѣ, домашней утвари и одѣвнѣ, бываетъ равное, а иногда превосходить *калымъ*, платимый за нее; торгъ о невѣстѣ называется у нихъ сватовствомъ—*хода* ²²⁾.

По заключеніи ходы бываетъ особый съ дарами поѣздъ, *хабарду-чук-лесъ* ²³⁾; предъ наступленіемъ того дня къ вечеру, въ который должно женихову отцу отправить къ невѣстину *своей поѣздъ*, отецъ жениховъ собираетъ своихъ родственниковъ или знакомыхъ для выбора къ поѣзду, по собраніи ихъ, женихъ, вышедъ изъ бани, приноситъ пиво, котораго два стакана, какъ ему, такъ и сего отцу наливаетъ нарочито для тсго посаженный *Крюгаси* ²⁴⁾, по приказанію котораго другіе гостямъ подносятъ, при питьѣ ими пива, встаютъ всѣ и самъ *Крюгаси*, потомъ *крюгаси* наливаетъ уже сидя, а отецъ жениховъ подноситъ тому, кого избираетъ онъ къ жениху въ дружки, при чемъ, выключая одного *крюгаси*, встаютъ всѣ и кланяются, прося, дабы онъ принялъ возлагаемую на него должность; вступая въ оную, дружка выбирать себѣ подружье, котораго должность есть быть при дружкѣ и женихѣ безотлучно и носить спитыя изъ невыдѣланной лошадиной кожи большія и до полу висяшія сумы, наполненыя равною провизією; потомъ выбираютъ такимъ-же образомъ въ разныя должности мужчинъ и женщинъ въ поѣздъ и всѣмъ тѣмъ выбраннымъ даютъ первыя мѣста; по окончаніи выбора, начиная отъ дверей, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, дружка подноситъ, говоря, чтобы дополнили они жениховъ *калымъ*; подружье, имѣя на плечахъ своихъ длинныя сумы, кланяется, а женихъ, нагнувшись носить *чирясъ* *), коему въ оный гости по возможности своей кладутъ мѣдныя деньги; поднося всѣмъ, начинаютъ ужинать, а по окончаніи ужина расходятся. Въ наступившей-же день, сказанный съ дарами поѣздъ отправляется.

Свать, сосватавшій невѣсту, пріѣхавъ съ женихомъ, *со свахою* и со всѣмъ своимъ поѣздомъ въ домъ къ невѣстину отцу, приноситъ множество безъ соли печеныхъ малыхъ хлѣбовъ, называемыхъ *хубарду*, бочку пива, медъ, сырецъ и въ задатокъ *калымъ* деньги, вноситъ все оное въ хоромину и для сугубаго въ женитьбѣ счастья, выходя до трехъ разъ и оборачиваясь на востокъ, приноситъ жертву сначала хлѣбомъ высшему Богу, во вторыхъ *Пимюкст* ²⁵⁾ и въ третьихъ главному, среднему и малому кереметямъ, потомъ имъ-же медомъ, сырцемъ и напоследокъ пивомъ.

Зять, по входѣ въ гостепріимную избу съ дружкою и подружествомъ, обходитъ оную по солнцу до трехъ разъ, и, обойдя кланяются невѣстинуму

*) Чирясъ, особаго сорта липовая, сдѣланная изъ дуплѣ кадочка, которая употребляется для ношенія пива.

отцу, сродникамъ и гостямъ. Послѣ чего дружка подноситъ, а свать невѣстинуму отцу платитъ часть договоренныхъ денегъ; при чемъ ѣдятъ, пьютъ, веселятся и напоследокъ опредѣляютъ день свадьбы.

Если же въ деревнѣ невѣстина отца жительство имѣетъ и жениховъ родственникъ, то и ему таковыя-же хлѣбы въ подарокъ онъ привозитъ, дабы для угошенія поѣзда жениха и невѣсты сдѣлалъ свадьбѣ приуготовленіе, обѣщая со стороны невѣсты ему въ подарокъ рубашку, а женѣ его шитое на оную-же оплечье, называемое *сыбакъ лакибъ*²⁶; и нѣкоторое, къ убору на голову принадлежащее вынизанное бисеромъ, или вышитое шелкомъ *масмакъ*, отъ котораго и увѣдомляется онъ, кто принялъ на себя должностъ быть со стороны невѣсты, сверхъ ея родного отца посаженнымъ *хнимъ атмыхъ*²⁷, желаетъ сей-же свать даритъ хлѣбомъ и тѣхъ деревень жителей, чрезъ которые жениху съ поѣздомъ къ невѣстѣ и на возвратномъ съ нею пути домой проѣзжать надобно; въ разсужденіи чего и они также варятъ и приготавливаютъ обѣды.

Въ назначенный день свадьбы, если въ ближнемъ разстояніи деревня, въ которой жительствоетъ невѣста, то около вечера, а когда въ дальномъ, то послѣ полудня, поѣзжане, для отличенія себя отъ другихъ, при свадьбѣ случающихся гостей, одѣвшись въ лучшее платье, вѣшаютъ себѣ на шею бѣлые, вышитые по краямъ и съ бахромою платки, завязавъ ихъ при самыхъ концахъ, а на кушаки одни только бѣлые, распустивъ оныя по обѣ стороны въ шапкахъ, имѣя всегда въ рукахъ своихъ плети, а тѣ, у которыхъ есть верховыя лошади, надѣваютъ сабли, берутъ ружья и қолчаны съ лукомъ и со стрѣлами; приуготовя себя такимъ образомъ, приѣзжаютъ къ женихову дому и три раза по солнцу противу дверей онаго вокругъ обѣхавъ, кричатъ и такъ какъ-бы у незнакомыхъ, спрашиваютъ, въ чемъ они упражняются: ѣдятъ-ли, пьютъ-ли и знаютъ ли, что у такового то чувашинина, называя именемъ женихова отца, есть свадьба и ихъ въ гости онъ зоветъ-ли по окончаніи чего выходитъ женихъ съ отцомъ, имѣя въ рукахъ ковшъ пива, встрѣчаетъ ихъ, привѣтствуя, что у нихъ есть свадьба и ихъ они къ себѣ просятъ; введя въ домъ, жениховъ отецъ поѣзжанъ сажаетъ за столъ, а дружку и поддружье съ женихомъ—за приготовленную у дверей занавѣсь.

Тогда уже и жениха одѣваютъ они въ лучшее платье и прикрѣпляютъ ему у правой руки къ мизинцу шитый шелкомъ и съ бахромою бѣлый платокъ; *потомъ* отецъ съ матерью садятся за столъ, кругаси наливаютъ два стакана пива и предъ нихъ ставятъ; въ то время начинается играть музыка *). Дружка съ поддруьемъ, женихъ и поѣзжане, ухватясь лѣвыми руками другъ другу за кушаки, правыми-же показывая плети, а поддружье свои большія съ провизією сумы, подъ тактъ музыки, выключая жениха, пляшутъ, и сдѣлавъ своею пляскою кругъ противу солнца, подходятъ поѣзжане къ жени-

*) Музыку у чувашъ составляютъ деревянные съ бараньими струнами бужи, волынки, пузыри, губной органъ, скрипки и гудки и во время игранія нѣкоторые изъ нихъ бывають и такія, кои смыслятъ нѣсколько наблюдать и согласіе.

хову отцу и матери поклонясь, наклоняютъ передъ ними свои головы, а дружка громко ихъ спрашиваетъ, въ чемъ они упражняются: ѣдятъ-ли или пьютъ; потомъ сказываетъ имъ о себѣ, что они намѣрены ѣхать въ такую-то деревню, къ такому-то чувашинину, взять у него дочь, называя невѣстину деревню и ся отца именами, то даютъ-ли они имъ на то позволеніе, что самое при игрانی музыки повторяютъ они троекратно; послѣ чего отецъ и мать жениховы, давъ имъ позволєніе, поставленные передъ ними стакана выпиваютъ, а потомъ, поднеся пива дружкѣ и подружью, препоруча имъ остальные деньги калыма, жениха и съ поѣздомъ отпускаютъ, которые, объѣхавъ троекратно вокругъ дома, и, выпливъ три раза изъ ружей, при играшии музыки отѣзжаютъ.

По прїѣздѣ къ невѣстѣ въ деревню, становятся они въ домѣ посаженнаго невѣстина отца, женихъ посылаетъ съ дружкой къ невѣстѣ чирясъ своего пива, тамъ *принявъ оный*, дарятъ его отъ невѣсты рубашкою, которую женщины, при собраніи гостей, скинувъ съ него платье, на верхъ его рубашки надѣваютъ; причѣмъ дружка невѣстина отца спрашиваетъ, угодно-ли ему, дабы женихъ съ поѣздомъ къ нему прїѣхалъ. Получивъ на оное позволеніе, дружка съ извѣстіемъ возвращается къ жениху, показывая ему и всѣмъ поѣзжанамъ невѣстинъ подарокъ, и при игрانی музыки пляшутъ; а между тѣмъ вводятъ невѣсту въ хоромину, въ которой жениха съ поѣздомъ принять должно, занавѣся ей лицо фатою, унизанною корольками, сажаютъ за занавѣсь противъ печи *), а отецъ съ матерью садятся за столъ и тогда за занавѣсью у невѣсты играетъ музыка, а дѣвки поютъ передъ нею пѣсни и пляшутъ

Женихъ и поѣздъ въѣзжаютъ къ невѣстѣ во дворъ прежде входить въ домъ дружка и коснувшись пальцемъ грязнаго пола, касается онымъ-же своего лба, въ знакъ отмѣннаго почтенія къ невѣстиному отцу и всему его дому, отдаетъ ему послѣдніе калыма деньги, а завязанныя въ платкѣ, посвященныя большому керемети, 15 коп. денегъ, кладетъ на брусъ, гдѣ спитъ невѣста. Послѣ чего невѣстины сродники встрѣчаютъ жениха, поѣздъ и находящуюся при нихъ музыку, съ ковшами пива, женихъ съ поѣздомъ, при игрانی музыки входить и переступя черезъ порогъ, такое-же почтеніе дѣлаетъ своему тестю, какъ и дружка; тогда отецъ невѣсты, сидя за столомъ въ *переднемъ* углу, считаетъ деньги калыма, а по сочтеніи встаетъ съ своего мѣста, привѣтствуетъ жениха и поѣзжанъ, подноситъ имъ самъ, сажаетъ поѣзжанъ и дружку, имѣющихъ на рукахъ своихъ плети, а на головахъ шапки, въ передней уголъ, жениха-же и подружья, съ его длинными сумами, — за занавѣсь; къ дверямъ ставятъ три стола поѣзду, жениху и невѣстѣ особыя и по постановленіи столовъ обѣдаютъ, при чемъ обѣ музыки играютъ; спустя нѣсколько времени, дружка со вложенными отъ жениха мѣдными деньгами, подноситъ невѣстѣ ковшъ пива, который она съ дѣвками выпивъ, беретъ деньги, а на противъ того высматъ въ подарокъ же-

*) У чувашъ противъ печи мѣсто другихъ считается почетнѣе, на которое обыкновенно сажаютъ они отмѣннаго и именитаго своего гостя.

ниху рубашку, которую надѣвають на него при всѣхъ, такъ, какъ и на дружку и мѣняютъ жениховъ и невѣстинъ къ рукамъ ихъ прикрѣпленныя платки до трехъ разъ; потомъ выносятъ на блюдахъ рубашки и платки и подаривъ рубашкой каждому изъ поѣзжанъ, надѣвають ихъ тутъ-же, какъ на мужчинъ, такъ и на женщинъ.

По окончаніи стола пьютъ и пляшутъ какъ поѣзжане, имѣя на рукахъ своихъ плети, такъ и подружка съ своими долгими сумами и женихъ, не выдавъ своей невѣсты ни прежде нивъ то время. Гости у нея съ поѣздомъ сутки двое и болѣе безотлучно, въ теченіи онаго времени, обѣ музыки денно и ночью по переменно играютъ, а молодые мужчины съ женщинами и дѣвки по парно пляшутъ.

На послѣдокъ невѣста въ препровожденіи свахи и сродницъ, вышедъ изъ за занавѣси, падая къ ногамъ своего отца и матери, съ изъясненіемъ по ихъ обычаю нѣкоторыхъ въ жалость приводящихъ словъ, плачетъ и съ ними прощается, причемъ отецъ даритъ еѣ деньгами и пожелавъ счастливой жизни, со свахою и сродниками своими, отпускаетъ невѣсту, имѣющую на головѣ сверхъ фаты большое еще покрывало, да приготовленныя, холстомъ покрытыя и запряженныя парю лошадей, кибитки; при игрании музыки родственники несутъ на рукахъ невѣсту и сажаютъ со свахою вмѣстѣ, поѣзжане, сѣвши на лошадей, сдѣлавъ трекратно противъ дверей дома кругъ и выпаливъ изъ ружей, отѣзжаются къ невѣстиному посаженному отцу и какъ у него, такъ и у всѣхъ деревенскихъ жителей и на перепутьѣ въ деревняхъ столъ усердно пьютъ, что не только ихъ платье, но и въ домахъ всѣ полы налиты бывають пивомъ. Отецъ невѣстинъ, спустя со двора свадьбу, развязываетъ принесенный дружкою платокъ съ деньгами и взявъ изъ нихъ себѣ одну копѣйку, послѣднія относитъ въ большой кереметь въ жертву мамалъ, гдѣ оныя хранятся до того времени, покуда наполнится сумма на покупку пуда меда и овцы, что искупивъ отдають жрецу, который приноситъ все оное въ жертву.

По прибытіи съ невѣстою, свахою и родственниками, къ женихову отцу, поѣздъ останавливается у воротъ и музыка играетъ, дружка надъ головою невѣсты разбиваетъ лутошкою сырыя яйца и съ жениховой сторсны сваха, оторвавъ курицѣ голову мечетъ за ворота и поѣздъ до того времени стоитъ за воротами, покуда отецъ и мать жениховы не подарятъ невѣстѣ корову, оную привязавъ на веревку, отдають самой невѣстѣ въ руки. По вѣздѣ во дворъ, въ препровожденіи свахи и поѣзжанъ, невѣсту вносятъ въ домъ на рукахъ и сажаютъ противъ печи, а жениха отводятъ въ клѣтъ, потомъ обѣдаютъ; по окончаніи стола, при игрании музыки сродники вводятъ невѣсту къ жениху, сажаютъ ихъ рядомъ на постелю и тогда начинаютъ уже играть обѣ музыки, снимаютъ съ жениха и невѣсты перстни, завѣщевая имъ до скончанія жизни, сохраняя другъ къ другу вѣрность и не называть жениху невѣстина отца и мать а невѣстѣ жениховыхъ именами, а звать тестемъ-тешей, свекромъ-свекровью.

Тутъ въ первый разъ женихъ увидитъ невѣсту и узнаетъ съ кѣмъ жизнь ему препровождать судьба опредѣлила. Когда стануть молодыхъ раз-

дѣвать, то невѣста должна скинуть съ жениха сапоги, въ которые тогда кладеть онъ деньги, невѣста, скинувъ берегъ деньги, послѣ чего всѣ выходятъ вснѣ и дають молодымъ паккой.

На другой день веселье бываетъ больше, нежели въ первый. Крещение вѣнчаются въ церкви спустя иногда и долгое время, случается также, что ставятъ еще тогда на столъ блюдо съ хлѣбомъ, въ который воткнута стрѣла. Тутъ кто хочетъ изъ гостей кладеть молодымъ на раззаволь нѣсколько копѣекъ. Послѣ сего родные отецъ и мать прѣѣзжаютъ къ нимъ въ гости и сіе свадебное пиршество продолжается до того времени, пока хозяйка дома, вынеся на блюдѣ вынутыи изъ бочки гвоздь и поставя на столъ скажетъ гостямъ, что уже выпили все пиво и подчивать ихъ болѣе не чѣмъ, тогда уже гости возвращаются во свои дома.

Мужъ имѣеть во всемъ полную власть, а жена должна повиноваться ему безъ всякаго прекословія, въ разсужденіи чего и не бываетъ почти никакихъ въ семействѣ сваръ; но ежели мужъ чрезвычайно женой своей недоволенъ, то разрываеть ся покрывало, сарбанъ, тѣмъ уничтожается на вѣкъ супружескій между ними союзъ. Такимъ-же образомъ разводятся съ женами своими и другіе, языческаго суевѣрія держащіеся, мордва и прочіе народы; однако самые случаи бываютъ рѣдко.

Когда же у нихъ кто жестоко занеможеть и отъ усиливающейся болѣзни приближается къ концу, тогда всѣ Юмси къ нему бываютъ призываемы, коимъ онъ всенародно во грѣхахъ своихъ кается. При этомъ завѣщеваетъ своей семьѣ и родственникамъ, какую именно скотиную по смерти и въ какія точно времена ею помянуть. Когда-же умреть, тогда одна изъ домашнихъ женщинъ разбиваетъ надъ нимъ лугошкою яйца и выкидываетъ ихъ за ворота. Потомъ у правой руки перевиваютъ пальцы, застилають ноздри, ротъ, глаза и уши разными шелками въ знакъ того, что онъ, не будучи просвѣщенъ познаніемъ о божествѣ, законѣ и натурѣ, былъ низкаго понятія и темный человекъ; руки его не осязали, ноздри не обоняли, устами своими не говорилъ онъ, глаза его не видали и уши его не слышали—всего того, что видѣть и слышать совершеннаго обо всемъ понятія человекъ можетъ; почему онъ и тамъ будетъ тѣмъ-же довольствоваться, чѣмъ довольствовался въ жизни. На послѣдокъ одѣвъ тѣло въ лучшее платье и перевязавъ поперекъ кушакомъ руки, надѣваютъ на нихъ рукавицы, а на голову шапку и выносятъ изъ дому. Тогда домашніе, бросая за тѣломъ вѣзженныя тряпочки, говорятъ, что бы душа его съ дымомъ отъ оныхъ взшла къ небесамъ.

Принеся къ могилѣ и составя опущенныя четыре доски, опускають потомъ въ нихъ умершаго; прощаясь же приказываютъ съ нимъ къ прежде умершимъ своимъ родственникамъ поклоны, кладуть его въ могилу, какъ для того, такъ и въ гостинцы тѣмъ прежде умершимъ сыръ, деньги и прѣсное хлѣбное. А дабы онъ и въ царствѣ мертвыхъ работѣ упражнялся, опускають въ оную на ножикъ, для плетенія лаптей инструментъ, на торговлю деньги, а для пропитанія хлѣба такъ-же кладуть на могилу блинъ и кусокъ вареной курицы, при чемъ говорятъ, что тебѣ прѣдаться (?): *ти бя батырь*

*умиче болдырь*²⁸). Остатки же пребирають провожатые и думаютъ, что съ мертвецемъ ѣли. Въ которой одеждѣ онъ умеръ, на чемъ лежалъ, изъ чего обмывали его тѣло,—бросаютъ на дорогѣ и на могилѣ умершаго ставятъ телѣгу, сани, хомутъ съ прочею упряжью и топоръ; если же онъ былъ плотникъ, то и весь его инструментъ, вывезя оставляютъ. А по завѣщанію его ставятъ на могилу и лачугу, къ которой привязавъ лошадь, оставляютъ покуда она умретъ съ голоду, воображая, будто умершій на ней ѣдитъ. На сей же могилѣ ставятъ столпъ вышиною въ ростъ умершаго, дѣлая на немъ, отступя на четверть отъ верху, до самой могилы впадину, на подобіе продолговатой лунки; а иные на могилахъ ставятъ камни, на коиъ во время поминовенія зажигаютъ свѣчки и на нихъ-же, какъ умершаго, такъ и ихъ родственниковъ вырѣзываютъ знаки, по ихъ называемые *тура*, дабы по онымъ въ послѣдующія времена потомки знать могли, кто такой и чей родственникъ схороненъ. Чуваши умершихъ своихъ хоронятъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревень при рошахъ, ставятъ на могилы ихъ небольшія кадочки, вѣшаютъ на сошкахъ полотенцы и кладутъ другія равныя мелочи, оставляютъ также умершему въ полѣ часть не сжатаго всякаго рода хлѣба и серпъ, дабы онъ то на свою долю сжалъ и отъ нихъ не требовалъ.

Поминки у чувашъ бываютъ двоякіе: 1-е, дома одного семейо умершаго, а другіе собраніемъ народа; а также вновь умершаго и давно умершихъ своихъ родственниковъ поминаютъ они особо; по новоумершимъ первые поминки бываютъ у нихъ на погребеніи въ тотъ-же день. 2-е, въ третій день одними только домашними. 3-е, въ седьмой день; 4-е, ноябрю въ послѣднихъ числахъ и 5-е, въ семикъ собраніемъ народа, по давно умершихъ-же родственникахъ. Малые поминки отправляются въ Четвергъ на страшной недѣлѣ и въ недѣлю Св. Пасхи, одними домашними и сродниками. Средніе—о семикѣ, гдѣ собраніемъ народа прежде умершихъ родственниковъ на могилахъ поминаютъ обще съ новоумершими; а въ исходѣ Ноября также дома и одними только домашними, съ нижеслѣдующими обрядами. По погребеніи умершаго, оставшіеся его домашніе и родственники, возвратясь съ могилы, моются и потомъ подвеселяютъ себя пивомъ; въ третій-же день и четвертый, каждая недѣли къ вечеру, сваривъ курицу и отщипнувъ отъ нее каждый изъ семьи по части, кладутъ въ чашку и наливаютъ по ложкѣ яшки въ ведро воды и вынеся на дворъ, выливаютъ собакамъ. Въ то время, какъ собаки ѣдятъ и дерутся, они кланяясь на полночь, съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ воютъ и возвратясь оставшее ѣдятъ. Оное дѣлаютъ они для того, дабы ихъ плачь, смѣшавшись съ собачьимъ визгомъ, произвелъ великое громогласіе и ихъ плачевые голоса, проникнувъ небо, доходили до ушей умершаго и онъ бы съ высоты ихъ усердіе, съ какимъ великимъ сожалѣніемъ они его поминаютъ, могъ видѣть. Въ седьмой день по кончинѣ умершаго, колятъ овцу и приготова пива, сзываютъ родственниковъ, которые, поминая умершаго, ѣдятъ и пьютъ, оныя называются *семины ситъ-шыи иртересъ*²⁹), что-же принадлежитъ до семьи умершаго, то они его поминаютъ въ Четвергъ каждая недѣли, до большихъ поминокъ; сіи поминки называютъ они *сылахъ иртересъ*³⁰). Въ теченіи всего онаго вре-

имѣтъ онъ четырехъ сыновъ, изъ которыхъ первый называется *серде кебе*, или земная судьба; 2. *Кутуръ султанъ*; 3. *Сивя Зензи Ирзамъ* и 4. *Чильня Зензи Ирзамъ*. Средніе: 1. *Китамъ Ирзамъ*; 2. *Малимъ хозя*; 3. *Миндлюбя Ирзамъ* и 4. *Ашумъ-варъ Ирзамъ*. Малыми: 1. *Ксинъ Ирзамъ*; 2. *Видалы Хирзамъ* и *Алзызинзя*. Кромѣ-же оныхъ главныхъ, каждая чувашская деревня имѣтъ особенныхъ своихъ кереметей до 5 и до 6, кои имена по большей части получаютъ по названіямъ рѣчекъ и деревень и всякій чувашенинъ вѣруеть въ 12 кереметей своей и сосѣднихъ деревень; во всякомъ мольбищѣ или загородкѣ почитается киреметь, называемый *Мамала*, которому приносятъ въ жертву одни только деньги, а живущіе при рѣкѣ Волгѣ, обожаютъ также и сію рѣку и сверхъ обыкновеннаго на своемъ языкѣ названія *Оданъ*³⁸⁾, называютъ *Абалъ-Зинзя-Ирзамъ*³⁹⁾; кромѣ-же сего имѣютъ нѣкоторые изъ нихъ у себя домовыхъ идоловъ, называемыхъ Ирихами; Ириховъ разумѣютъ духами, кои по просьбѣ своихъ хозяевъ, сосѣдямъ ихъ причиняютъ вредъ и болѣзни и любятъ обитать въ свинечныхъ кружкахъ съ продѣтою въ срединѣ шерстяною крашеною ниткою и къ концу оной привязанною рябиною съ плодомъ кисточкою, которую они по соврѣннїи новаго плода перемѣняютъ; сіе обожасмое вещество обернувъ въ чистое полотно и бересту, подвѣшиваютъ они подъ верхъ, а къ нему прикрѣпляютъ разныя оловячныя и свинечныя блестящїя и хранятъ, наблюдая какъ въ нихъ, такъ и около, чистоту; Ирихи добре называются *занямъ*⁴⁰⁾, злые-же *Кювамъ*⁴¹⁾ смирные *Тюрлокъ* *)⁴²⁾ у нихъ ничто иное, какъ на двухъ не большихъ дощечкахъ нѣкоторыя изображенія, подобныя коровьей головѣ, которыя также бывають у нихъ въ клѣткахъ.

О божествѣ и о мїрѣ понятіе имѣютъ они весьма темное и изъ почитасмыхъ ими божествъ благотворнымъ пребываніе опредѣляютъ въ небесахъ, въ воздухѣ, въ водѣ и въ центрѣ земли; вообще-же какъ о благихъ, такъ и о злыхъ думаютъ, что они существа, ими владѣющія, безсмертныя, прсмудрыя, невидимыя и непостижимыя.

О Творцѣ разумѣютъ они, что онъ подаетъ имъ хлѣбородіе, одождлеваетъ ихъ поля и всякое счастье ниспосылаеть. Ему приписываютъ они отца и мать, но понятія объ нихъ не имѣютъ, а сказываютъ, будто навмкли они

большимъ возвѣститъ имъ, дабы немедленной ждали они кончинъ своей жизни и его бы болѣе жертвоприношеніями, которому посвящаютъ они однихъ только лошадей, небезпокоили. Вообще-же о кереметяхъ своихъ имѣютъ понятія, что они духи безсмертныя, или владычествующіе, невидимые, а только являющіеся кому изъ нихъ въ человѣческомъ видѣ и имъ по разсужденію своему наносящіе вредъ и болѣзни.

*) Буинской округи въ деревнѣ, называсмой Три-Избы-Шемурилъ⁴³⁾, некрещенные Чуваша имѣютъ особо сдѣланныя на полѣ хоромины съ продолговатыми вмѣсто оконъ слухами, гдѣ они въ жертву приносятъ кереметямъ равныхъ животныхъ и кладутъ деньги. Сїи некрещенные чуваша оныя хоромы называютъ тюрями; на дощечкахъ же изображеній, такъ, какъ прочихъ округъ Чуваша, они не имѣютъ.

сперва Творцу приписывать отца и мать, слыша отъ Россіянь, а потомъ въ послѣдующія времена и прочимъ, такъ какъ и Ирихи введены къ нимъ отъ Чувашь, происшедшихъ отъ породы Черемисской.

Государю приписываютъ они всѣхъ благодѣятельствующихъ божествъ свойства, какъ то: нѣкоторыя свойства бога вышняго, бога свѣта, солнца, судьбы, бога благодѣянiя, бога изобилiя, бога предписателя участей, бога покровителя въ водахъ утопаемыхъ и прочихъ, а потому и жертвы какъ съ богомъ вышнимъ, такъ и съ другими, съ каждымъ соединенно Государю они приносятъ. Молитвы-же творятъ во первыхъ призывя вышняго, во вторыхъ Государя, а потомъ по порядку и прочихъ благотворныхъ боговъ употребляютъ. Но о Государѣ воображаютъ они, что онъ посланъ будучи отъ бога вышняго съ небесъ для управленiя земнородныхъ и имѣя на всегда съ ними пребыванiе, сдѣлася божествомъ земнымъ и смертнымъ.

О Богѣ свѣта воображаютъ, что онъ освящаетъ вселенную; о судьбѣ, или Богѣ, имѣющемъ власть внутри земли и подъ землю, что онъ обитаетъ въ небесахъ и имѣетъ у себя двухъ вѣстниковъ, или служителей, *Пилюсе* и *Пихамбара*, изъ которыхъ Пилюсе посылаетъ онъ на землю назначать рожденнымъ младенцамъ участь и записывать даваемыя имъ по рожденiю отъ Юмсей имена; сей его служитель по исполненiи возвращается на небеса и *Кебъ* или судьбѣ возвѣщаетъ. *Пихамбора* служить для охраненiя животины отъ волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей, равно и для даванiя во всю вселенную огня; въ разсужденiи чего каждый Чувашенинъ, если начинаетъ варить пиво, то потуда подъ котель не подложитъ огня, пока не призоветъ имя *Пихамбора*. О богѣ-дателѣ душъ думаютъ они, что онъ по повелѣнiю вышняго бога передъ рожденiемъ младенца даетъ ему душу, которая прежде рожденiя хранится въ особенномъ мѣстѣ на востокѣ.

О вѣтрѣ воображаютъ, что онъ по просьбѣ Чувашь на ихъ поля испускаетъ благотворныя дуновения. О одноличномъ богѣ, что онъ помогаетъ имъ въ ихъ трудахъ и рукодѣлiяхъ и употребленная ими пища, помощiю его бываетъ здоровою. О сберегатель-же стадъ и паствы, что живетъ онъ на землѣ и въ центрѣ оной сохраняя стада отъ припадковъ и не здоровой нищи, подаетъ здравiе, а также сберегаетъ и всѣ сокровыя въ нѣдрахъ земли сокровища. Въ разсужденiи чего не рѣдко случается, что престарѣлые изъ Чувашь, почувствуя слабость и приближающейся конецъ жизни, худое поведенiе и распутную жизнь своихъ дѣтей, дабы приобрѣтенныя имъ деньги во зло употреблять они не могли и не послужили бы къ вяшему ихъ несчастiю, а чрезъ то-бы и не раздражалъ онъ благотворныя свои божества, трудиться постарались,—благодаря тѣ свои благодѣятельствующія божества, что они ему въ жизни воспользоваться ими благоволили, никому не сказавъ, тайно зарываеъ въ землю, воображая будто возвращаетъ онъ сей металлъ отцу и матери земли и въ сохраненiе оберегателю земныхъ сокровищъ, въ нѣдрахъ оной сокровыихъ препоручаютъ. О Водышѣ, что онъ, пребывая въ водахъ, къ употребленiю дѣлаеъ оныя здоровыми; о богѣ благодѣянiя сказываютъ они, что онъ живётъ въ небесахъ и подаетъ имъ благополучныя по ихъ желанiямъ бракосочетанiя.

О богѣ, странствующемъ по воздуху, что онъ предворяетъ ко спасенію всѣхъ тѣхъ, кои утопая въ водахъ, его приываютъ и покровительствуетъ по ихъ плавающимъ. *Сурланъ* или летучая змѣя, живущаго въ воздухѣ, признаютъ они дательствъ дѣтородія и увидя онаго, просятъ о дѣтяхъ. Солнце, что благодѣтельствомъ его бываетъ четыре времени года, соспѣваютъ плоды и жатва; рождающимся сыномъ божіимъ чуваша ничто иное называютъ, какъ сѣверное сіяніе и при умноженіи его дѣйствія, когда свѣтится все небо, говорятъ: квахъ хопи озилать⁴⁴⁾, что освященной тверди небесной врата отверзаются и кому то изъ нихъ случится видѣть, почитаютъ за особое счастье, ибо воображаютъ они, будто во время сего отверстія небесныхъ вратъ, твердь небесная рождаетъ сына и при рожденіи его всякая ихъ молитва и прошеніе наиудобнѣйшимъ образомъ доходитъ до бога, въ разсужденіи чего падая на землю, просятъ они наиболѣе о размноженіи пчелъ; дѣйствія-же прочихъ благотворныхъ божествъ по ихъ именамъ означать можно, но изъ нихъ, выключая прежде скаванныхъ и бога изобилія, всѣ пребываніе свое имѣютъ на землѣ.

Злыхъ своихъ божествъ и кереметей разумѣютъ они живущими на землѣ и въ лѣсахъ и изъ нихъ о главномъ *Виляръ Ирзамъ* думаютъ, что онъ начала не имѣетъ и старѣе всѣхъ прочихъ, что пребываніе имѣетъ онъ Цивильской округи близъ деревни Выли въ лѣсу и при оверѣ отъ нихъ ему посвященныхъ, гдѣ для принесенія оныхъ три зданія и всѣхъ требищъ надѣлано противъ обыкновенныхъ въ большомъ количествѣ. Вокругъ оная обставлена множествомъ съ пчелами ульевъ, изъ коихъ жрецъ, вынимая медъ и сдѣлавъ напитококъ, приноситъ сему Кереметю въ жертву; изъ двухъ его сыновъ 1-й *Сивя*⁴⁵⁾ *Зинзи Ирзамъ* жительствоуетъ по рѣкѣ Чилнѣ и ему же общаются молодые люди, отданные въ рекруты, о благополучномъ окончаніи службы и о возвращеніи въ свое жительство.

О Чемеѣ *)), что онъ былъ житель Буинской округи деревни Чеме-невой, а почитался онъ народомъ Юмсей, который при смерти родственникамъ своимъ сдѣлалъ завѣщаніе, дабы по кончинѣ, его на общемъ кладбищѣ не хоронили, а похоронили-бы на полѣ, особо на указанномъ отъ него имѣмствѣ, родственники завѣщаніе его исполнили и Чуваша по суевѣрію своему, включая его по смерти въ число злыхъ божествъ, считаютъ, что онъ изъ всѣхъ злѣйшій и за самое малѣйшее неисправленіе тягостной не богатому человѣку жертвы, производитъ скорченіе въ жилахъ и прочія неизлѣчимыя болѣзни, въ разсужденіи чего находится у нихъ Чемеу посвященныхъ два киреметя или мольбища, въ коихъ приносятъ на жертву однихъ только большихъ животныхъ и жеребятъ, такъ что изъ жителей деревни Чеме-невой не имѣютъ у себя жеребцовъ, ибо какъ только родится жеребчикъ, то и посвящаютъ его Чемеу въ жертву, а женщины по аршину холста, который они за вепремѣнный долгъ почитаютъ напярсть и выткать въ одни сутки. Никакая невѣста, живущая близъ той деревни, безъ принесенія жертвы Чемеу выйти замужъ не смѣетъ; а иногда случается, что по извѣщенію Юмсей

*) Сходственное имя Чувашенина.

вдруг заколоть и ему въ жертву принести должна барановъ до 12-ти. Чуваши размовлясь между собою, ходять въ его кереметь, принеся Чемуену жертву, просятъ отпущенія своимъ недругамъ и будто Чемуенъ, услыша просьбу, наноситъ онымъ несносныя болѣзни, напротивъ чего уже другіе удовлетворить стараются великими жертвами, отъ коихъ или совѣмъ развориться, или умереть отъ злыхъ болѣзней должны. Вообще-же о злыхъ своихъ божествахъ Чуваши воображаютъ, что они имѣютъ фамиліи и дѣтей, такъ какъ и изъ деревень ихъ, по размноженію жителей и по умаленіи пахотной земли, нѣкоторые люди выходятъ и селятся на новыхъ мѣстахъ, съ ними же въ тѣ новыя жительства сіи злые духи переходять и къ своимъ сродникамъ для свиданія каждую ночь въ великолѣпныхъ колесницахъ ѣздять.

О сотвореніи міра рѣдкіе изъ престарѣлыхъ только ихъ жрецовъ нѣскольکو сказать могутъ, говоря:—будто вселенная и стихіи ни кѣмъ не сотворены, вѣчно пребывающія и имъ не постижимы, а потому всѣ вещества, которыя имъ благотворятъ изъ древности и обожаютъ они навывклч. О людяхъ сказываютъ, что сотворены отъ небснаго бога, сотворены-же прежде были изъ земли, имѣли только виды человѣческіе и были-де безобразны, а потому видя богъ сіе безобразіе, далъ тѣмъ сотвореннымъ души; что при сотвореніи имѣли всѣ одинъ языкъ, одинакое имупество и всѣ были равно богаты, но какъ-де обыкновенно богатство производитъ пышныя и надменные мысли, то одинъ другого почиталъ себя выше; а также въ короткое время изобрѣтены были и пьяные напитки, пиво и медъ, то люди навывкнувъ наибольшую часть времени препровождать въ пьянствѣ, сдѣлались сварливыми и имѣли между собою всякія ссоры.

Богъ, видя такое неустройство, опредѣлилъ изъ небесныхъ жителей или боговъ Кебе, давъ ему двухъ служителей Пилюгся и Пихамбора, повелѣвъ ему, по его разсмотрѣнію предписывать рождающимся счастливыя участи и дѣлать между людьми различіе, а дабы всѣ земнородныя находились въ порядкѣ, для управленія послалъ съ небесъ божество, назвалъ его Серде Падша, т. е. своимъ образомъ или земнымъ царемъ и произвелъ 77 языковъ; но о сей о сотвореніи міра басни нѣкоторые изъ нихъ крещеные и *учившіеся въ школы*, знающіе совершенно російскій языкъ, утверждаютъ, что Чуваши сію басню сплели, слыша исторію о сотвореніи міра отъ россіянъ и сами-де, какъ безграмотные и никакого закона не имѣющіе люди, онаго понимать и знать не могутъ.

Чуваши благотворныхъ своихъ духовъ обожаютъ и жертвы приносятъ отъ горящей къ нимъ любви и благодарности, или за оказанныя благодѣянія, или, навывкнувъ на всегда отъ нихъ пользоваться, приносятъ о продолженіи оныхъ въ послѣдующіе времена, а злыхъ о отвращеніи нанесенныхъ золъ и болѣзней, или, боясь, дабы они впредь не нанесли имъ каковыхъ несчастій. Въ разсужденіи чего онымъ благотворнымъ своимъ божествамъ, обряды жертвоприношенія совершаютъ они не въ кереметяхъ (загородкѣ или мольбищѣ), но на особомъ мѣстѣ, или въ своихъ домахъ, а для принесенія жертвъ злымъ духамъ, посвящаютъ лѣса, при началѣ-же ихъ дѣлаютъ подобныя квадратной или параллелограмной фигурѣ деревянныя загородки,

именуя их кереметями и каждую загородку того самого кереметя Чеменемъ, которому она посвящена. Сии загородки имѣють длину отъ запада къ востоку до 40 и до 60 сажень, въ ширину отъ полуночи къ полудню отъ 30 до 40 и 50 сажень, со входомъ отъ запада близь онаго, считая отъ западной стороны на право отступя отъ загородки къ востоку сажень, сдѣлано нѣкоторое зданіе, имѣющее къ западу, полуночи и полудню три только стѣны, а внутри лавка, въ нихъ готовятъ они въ жертву приносимыхъ животныхъ и ѣдятъ; впереди онаго въ нѣкоторомъ разстояніи сдѣланъ жертвенникъ подобно столу, имѣющій длину отъ полуночи къ полудню 1½ саж. и ширину отъ запада къ востоку 1½ аршина, съ четырьмя столбами и съ крышкою. На сей жертвенникъ поставляютъ они приготовленные въ жертву приносимыхъ животныхъ мяса, впереди онаго къ востоку въ загородкѣ и за нею посвященный керемети лѣсъ, изъ коего въ загородкѣ на деревьяхъ вѣшаютъ они снятыя съ принесенныхъ въ жертву лошадей кожи, оставляя при нихъ гривы, хвосты и по колѣна ноги, кои расправляютъ и обрѣзаютъ головами къ востоку, а подъ дерево ставятъ ящикъ, въ который, когда у Чувашъ родится младенецъ, или выдаютъ замужъ дѣвку, кладутъ деньги въ почете керемету, называемому *мамаля*; по обѣ стороны отъ жертвенника сдѣланы изъ шестовъ, положенныхъ на столбахъ, отводины. Чуваши воображаютъ, что на жертвенникѣ во время жертвоприношенія присутствуютъ тотъ самый богъ, которому приносится жертва, а на отводинахъ его фамилія. По обѣ стороны жертвенника сдѣланы равныя требища, на коихъ съ заколаемыхъ въ жертву приносимыхъ животныхъ снимаются кожи, вынимаются внутренности и разбираются на части. Сии загородки жертвенника и прочія, къ жертвоприношенію служащія требища и орудія, не починиваются до того времени, покуда совсѣмъ придутъ въ ветхость и тогда жрецъ, называемый на ихъ языкѣ *мачуръ*, вновь самъ по своему распоряженію строятъ по подобно обыкновеннымъ,—старыя-же сжигаетъ.

У Чувашъ жертвоприношенія совершаются богу вышнему или небесному, двоякія: 1-е, собраніемъ народа въ полѣ, а 2-е дома, а также и въ равныя времена года, изъ коихъ весною и въ началѣ лѣта передъ яровой и яровой пашнями бывають съ нижеслѣдующею церемоніею: приведа на мѣсто жертвоприношенія, которое обыкновенно учреждается вѣ кереметя, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, бѣлую лошадь, по собраніи обоого пола народа и дѣтей, начинаетъ играть музыка; въ то время по распоряженію жреца, имѣющаго на себѣ бѣлую одежду, исполняющіе свою череду люди колятъ лошадь, вынимаютъ изъ нее внутренность, разбираютъ на части и варятъ; народъ, восклицая громогласно: *сирлакъ сирлакъ* ⁴⁶⁾. что значитъ спаси, или помилуй и изъ нихъ старшія, окружая приносимую жертву, а женщины и обоого пола молодые люди въ нѣкоторомъ отдаленіи, въ тактъ музыкѣ прыгаютъ. По приготовленіи жертвоприносимаго и по равстановленіи въ два ряда блюдъ, жрецъ, проходя между ими считаетъ, а послѣ приказываетъ разрѣзывать изготовленное на части, кладетъ изъ нихъ по одной въ каждое блюдо самъ и наливая по ковшику отвара, отпущкаетъ въ дома. Народъ, раздѣлясь на партіи, садится и молодые обоого пола люди сквозь

плетенные изъ мелко раздѣленныхъ лычекъ кончики—цѣлуются: на послѣдокъ оставшееся на мѣстѣ жертвоприношенія ѣдятъ; кости-же и нѣкоторыя части мяса кладутъ на огонь, заваливъ ихъ дровами и когда случится движеніе воздуха и какимъ вѣтромъ подуетъ дымъ, тогда себѣ вмѣняютъ оносъ за особое благословеніе небесъ; ибо представляютъ они будто, въ то время сквозь двина видятъ нѣкое чудесное явленіе, въ видѣ великаго исполина въ бѣлыхъ одеждахъ и сѣдинами украшеннаго, котораго голова касается небесамъ и ноги землѣ.

Ноября въ первыхъ числахъ, именитые изъ Чувашъ, для изъясненія своей чувствительнѣйшей, за урожай хлѣба благодарности, изъ новосозрѣвашаго, лучшее по ихъ вкусу приготовленное хлѣбное и пиво, посвящаютъ въ жертву вышнему Богу и Государю. По собраніи гостей, хозяинъ съ домашними сродниками и со всѣми гостями своими, при отворенныхъ дверяхъ, обратившись на востокъ, падаютъ предъ сими благотворными своими божествами, дѣлаютъ поклоненіе и изъ нихъ хозяинъ, держа въ рукахъ чирясь съ пивомъ, съ благоговѣніемъ на своемъ языкѣ взываетъ: *) «Сюльде-Торъ Серде Падша, Сирлахъ Онахъ Озяръ; Павъ Ивыль Херембере Поръ Малушбола, Хорондашъ Рубола Сине Тыръ бола Хоронла Подоба Печкель Срабола Чокомбола Савза Чукъ-ту ватымъ тава-чокъ-Павъ Санатыпъ таву Тавурутъ, сирлахъ аслы Сюльде-Торъ Серде-Патша; Харалыхна Сывляхна Ирлых-на батыръ! Пермяхшинъ батыръ Перегегтя баръ Яксылми дивлетня батыръ»; т. е. божество, царствующее въ небесахъ и владычествующее на землѣ, помилуй насъ! съ сынами, съ дочерьми, со всѣми домашними и родственниками моими приносимъ въ даръ и жертву изъ новосозрѣвашаго хлѣба, снѣдъ и питіе и вкупѣ съ оними благодарностію и усердіемъ горящія сердца наши и падая предъ величествомъ небснаго и земного божества твоего, молимъ, молимъ васъ небесный боже и земной царю! подайте бѣдному своему народу благоденствіе, тишину и изобиліе, брашномъ же и питіемъ наполненными сосуды да не оскудѣютъ». Окончивъ свои молитвы и прошенія, каждый изъ нихъ наливаетъ большой стаканъ, встаетъ на ноги, *обращается къ востоку* и при отворенномъ окнѣ, выговоривъ сперва *ислам ташлама!* За высочайшее здравіе, а потомъ *сюльде торъ, серде падша!* въ небесѣ божество и на землѣ образъ его надъ нами владычествуетъ,—выпиваетъ весь стаканъ. По употребленія же всего, послѣ оставшейся въ посвященной въ жертву бочкѣ, употребляютъ уже они просто и тутъ первый къ столу садится Крюгаси, а потомъ и прочія, оный наливаетъ, а другіе по приказанію его гостямъ подносятъ.

Жертвоприношеніе богу вышнему бываетъ также Декабря въ послѣднихъ числахъ; тутъ хозяинъ дома, посвященный въ жертву отъ пѣгой кобылы гнѣдаго жеребенка, съ своею семьею и родственниками обмываютъ всего и копыта чистою водою до того времени, пока онъ отряхнется. Оное воображаютъ они, что ихъ молитва будетъ пріятна и послѣ связавъ—колятъ. Если же всѣ употребленныя ихъ старанія останутся тщетными и жеребенокъ по многому омытію не отряхнется, то, выговоривъ, что богъ его не любитъ, пнувъ отъ себя ногою, берутъ на веревку и притаща къ котлу

рѣжутъ, что самое разумнѣе безчестнымъ рѣзаніемъ; заколовъ жеребенка воятъ, а сало, собирая, мажутъ себѣ и всѣмъ приходящимъ лицо и руки; при чемъ возсылаютъ они вышнему свои молитвы. Подобныя-же сему омытія предъ жертвоприношеніями бывають всему скоту, какъ большой животинѣ приносимый въ кереметѣ или на полѣ собраніемъ народа, такъ пернатымъ и малой, жертвуютъ въ домахъ богу грома и молніи одноличному дателю душъ, судьбѣ, спутному. боговой матери, отцу и матери земли, предписателю частей, богу изобилія и прочимъ благотворнымъ божествамъ. Чуваша посвящаютъ въ жертву саламату съ масломъ, маленькія прѣсныя лепешки и изъ нихъ богатые каждому особую обще съ Государемъ бочку пива, малоимущіе-же всѣмъ одну и кашу, а первое ведро Государю съ вышесказанными обрядами.

Солнцовой матери бывають жертвоприношенія двоякія: 1, такъ, какъ выше сказано, пивомъ съ кашею; а 2, нижеслѣдующимъ образомъ: въ первый день Пасхи, вставъ при восхожденіи вари, чувашенинъ передъ дверьми своего дома разводитъ огонь и стережетъ восхожденіе солнца; при первомъ блескѣ его лучей кладетъ на огонь равныя хлѣбныя приготовленія и яица; клянясь огню, поминаетъ своихъ умершихъ родственниковъ, богу благодаренія приносятъ въ жертву пиво, а иногда гнѣдого жеребца, котораго въ образѣ его чтитъ своими молитвами, моютъ чистою водою и падая предъ нимъ на землю, просятъ—говоря⁴⁸: *амыгъ батка крѣбаръ; тобеда манъ баръ сахъ таля очаборъ; т. с. дабы даровалъ онъ имъ сноху противъ печи, зятя удверей и дѣтей на саганѣ **), послѣ чего колятъ и оному богу благодаренія жертвуютъ,—колятъ-же они его на дворѣ или на полѣ и лѣвый бокъ въ прокъ оставляютъ, коимъ начинивая бараныя требушины, дѣлаютъ изъ него ширтанъ, а правый—сваривъ посвящаютъ въ *жертву*,—голову же, внутренность и кости, жрецъ сожигаетъ въ огнѣ. Огню жертва приносится дома и чувашенинъ съ своею семьею сваривъ гуся или утку и вставъ на колѣни передъ горнушкою печи, въ которой безъ переводно у нихъ бываетъ жаръ, читаетъ молитву⁴⁹: *Водома сирахъ амбрахъ килемъ сурдамъ ачамъ пчамъ сывдыхне баръ!*—огненное божество, помилуй, спаси и подій здравіе мнѣ и съ домашними моими! Вѣтровымъ крыльямъ приносятъ они жертву съ прочими благотворными божествами, пивомъ, кашею и гусемъ.

Кереметямъ жертвоприношенія бывають также двоякія: 1, въ загородкѣ не малымъ количествомъ народа, гдѣ поставляя на жертвенникъ приносимыя животныя мяса въ жертву, жрецъ имѣя на себѣ бѣлую одежду, (бѣлая одежда означаетъ непорочную и добродѣтельную жизнь жреца, ибо онъ такъ, какъ простые Чуваша, излишно-разныхъ пищу и питія не употребляетъ и имѣетъ одну только жену, а не болѣе, простые-же Чуваша.

*) Саганъ или полати называются вмѣсто лавокъ и кроватей околостѣнъ сдѣланный обручъ вышиною въ аршинъ, а шириною въ два съ половиною аршина, на которой поперегъ положены доски.

имѣютъ оныхъ до трехъ и до чегырехъ) плснуть на сучья деревь, говоря: Кереметь сирлахъ, потомъ отрѣзавъ мяса и воткнувъ на ножъ, предъ оными же вверхъ поднимая, повторяетъ свою молитву разъ до 20-ти и болѣе; на послѣдокъ сваренное ѣдятъ, къ чему приглашаютъ иногда своихъ родственниковъ; нѣкоторыя-же части, такъ, какъ и при прочихъ жертвоприношеніяхъ, въ загородкахъ и на полѣ обыкновенно бывастъ, сжигаютъ на огнѣ, а чего съѣсть будетъ не въ состояніи, отвозятъ домой и дѣлаютъ изъ него ширтанъ. Сии по общаніямъ и предсказаніямъ Юмсей жертвоприношенія иногда столь для нихъ бывають тягостны, что лишаются они послѣдней пищи, домовъ и идутъ вѣчно въ Кабалу и находясь въ такомъ горестномъ и крайнемъ состояніи не получа свободы отъ болѣзни или несчастья ропчутъ на свою вѣру, на изобрѣтателей своихъ преданій и на Кереметей, говоря, что они ничто иное суть, какъ злые духи, влекушіе ихъ въ заблужденіе и несчастіе, поглощающіе ихъ скоть, пажить, имѣніе и вводящее ихъ въ пагубу. Ирихамъ и Тюрямъ жертвуютъ они бѣлыми утками, саламатомъ, масломъ и маленькими прѣсными лепешечками; сей обрядъ жертвоприношенія совершается въ домѣ.

Правднствами у нихъ почитаются тѣ самые дни, въ которые бывають жертвоприношенія и по умершимъ поминки, изъ коихъ въ первый день Пасхи двоякій обрядъ правднованія Чуваши исправляютъ по утру, такъ, какъ выше скавано, поминають умершихъ и къ вечеру собравшись берутъ въ руки длинныя шести и ходятъ со двора на дворъ, бьютъ оными по хоромамъ, такъ, какъ будто кого выгоняють, за что, въ каждомъ домѣ даютъ имъ яйца; обойдя всѣ дома, бѣгутъ съ великимъ стремленіемъ и крикомъ за околицу, выбѣжа за оную, садятся на лугу, дѣлятъ между собою тѣ собранныя яйца и потомъ играютъ въ разныя тутощнія игры, а на послѣдокъ возвращаются въ свои дома,—оное называютъ они гоненіемъ шайтана.

Состояніе челоѣка послѣ смерти восбражаютъ они двоякимъ, а именно, что добродѣтельно пожившіе чрезъ нѣсколько времени послѣ кончины, съ полуношныхъ небесныхъ странъ переселяются въ страну свѣта и изобилія, *суть Мамыра болдырь*⁵⁰⁾, въ которой обряцуютъ своихъ родственниковъ, также скоть и имѣніе въ гораздо лучшемъ состояніи противъ того, въ какомъ они ихъ на семъ свѣтѣ оставили; упражнявшіеся-же въ скотоводствѣ, въ разныхъ торгахъ и руководліяхъ, жить будутъ отмѣнно богато, а злые горѣтъ въ огнѣ *Тамыкра боле*⁵¹⁾.

Нравоученіе о добропорядочной жизни преподаеть у нихъ изустно и ни отъ кого иного, какъ отца своимъ дѣтямъ; они, научая ихъ жить добродѣтельно и имѣть страннопріимство, пересказываютъ имъ по большей части нѣкоторыя басни и нравоучительныя слова, изъ коихъ здѣсь помѣщаются слѣдующія. «Въ одно время кебе или судьба, желая узнать въ какомъ положеніи земнородныя жизнь свою препровождаютъ, послала съ небесъ на землю *Пшамбара*, который пришедъ къ богатому Чувашенину и въ видѣ прохожаго просить убѣжища въ его домѣ; оный отказавъ ему сурово, велѣлъ идти и ночевать при концѣ деревни въ непокрытой хижинѣ у бѣднаго. *Пшамбаръ*, возвратясь на небо, извѣстилъ объ этомъ Кебе, но та не убѣ-

дьяса послала съ тѣмъ же извѣстіемъ. Напослѣдокъ Кебе не увѣряться имъ обоимъ, снизшелъ на землю самъ и собственно собою испыталъ тоже самое, въ чемъ онъ Пигамбора и Пилюгсе довѣренностію не удостоивалъ. Во время его ночлега въ непокрытой хижинѣ родились у бѣднаго Чувашенина сынъ, а у богатаго дочь. Пилюгсе на землѣ тогда пребывающему Кебе о предписаніи симъ двумъ младенцамъ участой, приказалъ предписать новорожденному бѣднаго сыну счастье богатаго, а дочери онаго вдовствование и бытіе за девятью мужьями; богатый Чувашенинъ узнавъ чрезъ предвѣщаніе Юмсей, что счастье его переселится должно къ рожденному бѣднаго, сколько его истребить не старался, но покровительствомъ Кебе или судьбы, наслѣдованъ сынъ бѣднаго имѣніемъ богатаго и напослѣдокъ на овдовѣвшей отъ десятаго мужа его дочери женился».

Водта карвассынъ бечендоа кала синня корвасынъ сюкря симя киртса кала.—Странниковъ почитай, молодыхъ люби и всякому путешествующему дай убѣжище въ своемъ домѣ и пищу.—Сякля кяпла инкалась симъ оврумка анчуту — истинствуй въ своихъ словахъ и не возжелай жены ближняго твоего ⁵²).

У чувашъ весьма важною почитается клятвою перешагнуть чрезъ голую лутошку и если они кого въ кражѣ и завладѣніи, или въ важномъ какомъ злодѣяніи подозрѣваютъ, такъ какъ присягою отъ подозрѣванія себѣ очистить можетъ когда по какимъ нибудь ссорамъ или другимъ причинамъ надобно имъ предъ судьями присягать, то воткнувъ кусокъ на ножъ и насыпавъ на верхъ соли, кладутъ имъ въ ротъ, при чемъ они говорятъ, «что мнѣ этого у себя не видать, если я лгу или въ словѣ своемъ не устою». Рекрутамъ-же даютъ хлѣбъ чрезъ сложенные крестообразно тесаки.

Большая половина Чувашъ приняла съ 1723 года ⁵³) Грекороссійскую вѣру, однако-же и теперъ еще держатся языческаго суевѣрія Чуваши болѣе нежели мордва.

При тогдашнемъ ихъ къ христіанскому закону обращеніи нарочито они управлялись, а въ нынѣшнее время, въ которое безъ собственного удостовѣренія никого къ принятію Православной вѣры не принуждаютъ и не отвлекаютъ отъ суевѣрія, они сами, въ разсужденіи тихомирнаго поведенія въ изъявленія вѣрности и преданности своимъ начальникамъ, крестившимся ни мало не уступаютъ.

Извлеченія изъ „Историческаго описанія о Назанской губерніи“

«Народы, оставшіеся въ языческомъ законѣ Вотяки, Мордва, Черемисы и Чуваши вѣрують, что когда по сотвореніи міра, народъ развратился, дѣти вышли изъ повиновенія у отцовъ, братья начали ссориться между собою и каждый человѣкъ одинъ другого обижать; Всевышній Богъ узнавъ о сечь обстоятельство чрезъ нарочно отправленныхъ своихъ съ небесъ вѣстника Пигъ-Амбора и Пилюксѣ, послалъ на землю для управленія рода человѣческаго одного изъ своихъ дѣтей; онъ, царствуя на землѣ и имѣя въ супружествѣ

земнородную, сдѣлался смертнымъ, а потомъ и его потомки,—вѣрують они также, что земля производитъ плоды и произрастаетъ хлѣбъ содѣйствіемъ всевышняго Бога, и земля дарствована имъ отъ Государя, коимъ они всѣмъ тѣмъ и обяваны,—въ разсужденіи чего по созрѣніи хлѣба, не вкушая сво прежде сами, приносятъ въ жертву Богу вышнему и царствующему надъ ними Государю».—Обрядъ жертвоприношенія совершается такимъ образомъ.— «Хозяинъ дома выходитъ изъ своей хижины, выноситъ приготовленную жертву, ставятъ на жертвенникъ, стоящій на травѣ среди двора, обращается къ востоку, становится на колѣни, дѣлаетъ почитаемымъ своимъ Божествамъ Богу вышнему и Государю земное поклоненіе, а за нимъ сво семейство и сродники съ благоговѣіемъ произноса на своемъ языкѣ слѣдующую молитву: «Сюде торръ, серде падыша сирлагъ! ажагъ газаръ! поръ ывыль, хиремъ беле поръ молумбола, хорондашь рубола, хоранла Пудоба, Печкель Сыра бола, савза чукъ тувотыбъ, таза чонъ пось-сяпотыбъ, аслы! солде Торръ! Серде Падыша! Сирлагъ. Хорахалыхна Сывлыхъ-на ырлыхна батырь, пире порнмашкинъ батырь, переgetня баръ, иксилми дивлетня батырь. «Божество владычестлаущее на небесахъ и царствующее на земля, помилуй и спаси насъ! Съ сыновьями со дщерьми, со всѣми домашними и родственниками моими приношу въ жертву снелъ и питіе и вкупе со оными благодарностию и усердіемъ горящія сердца наши! падая предъ величествомъ небеснаго и земного Божествъ молимъ васъ небесный Боже и земный Царю подайте бѣдному своему народу здравіе, долгоденствіе, тишину и изобиліе, питіемъ же наполненные сосуды да не оскудѣють. Чуваши и прочіе вышеозначенные народы Богу вышнему и Государю посвящаютъ по большей бочкѣ меду и пива и другимъ среднимъ и малымъ благотворнымъ божествамъ какъ-то солнцу и прочимъ по бочонку.—Объ остальныхъ пространно изъяснено въ моихъ описаніяхъ о сихъ народахъ.

Деревянное зданіе. Новокрещенская школа. Во оной сперва обучались новокрещенныхъ изъ татаръ, чувашъ и черемисъ дѣти; а нынѣ помѣщенъ тамъ низшій россійскій классъ; также находится тамъ больница, въ которой лѣчатся ученики Академіи. Сіе училище въ прежніе годы находилось сначала въ свѣяжскомъ первоклассномъ монастырѣ и въ другихъ мѣстахъ, бывши раздѣлено на 4 школы.—Оно находится въ вѣдѣніи Преосвященнѣйшаго и подъ частнымъ надзираніемъ Ректора и Префекта семинаріи».

«Городъ Чебоксары проименованіе свое получилъ, такъ какъ древніе сихъ мѣсть обитатели сказываютъ, отъ бывшей на ономъ мѣстѣ въ старинныя времена Чувашской деревни Шобаксаръ, которая по построеніи города *выведена и поселена* въ 12 верстахъ отъ онаго, каковое наименованіе удержали они и понынѣ».

Цивильскъ. «Такъ какъ первоначальные жители сихъ мѣсть, извѣстные подъ названіемъ Чувашъ, увѣряють, что по словесному преданію отъ ихъ предковъ имъ извѣстно, въ древности жилъ тутъ ихъ Чувашскій Князь называемый Пулатъ, который не пожелавъ быть подъ вѣдѣніемъ города Чебоксаръ, уступить преимущество свое прочимъ князьямъ, ѣдитъ почасту во оной городъ и давать отчетъ, испросивъ позволеніе у царя Иоанна Васильевича, построилъ городъ, куда Его Величество повелѣлъ отправить во-

своду и учредить тамъ земское Правленіе. Напоследокъ князь Пулатъ ввелъ жителей изъ деревни Сюрбесвой поселилъ ихъ отъ города въ 12 верстахъ.— А прочія деревни Сюрбеевы, которыя построению города не мѣшали, оставилъ на своихъ мѣстахъ и отъ нихъ сей городъ на чувашскомъ языкѣ получилъ свое наименованіе Сюрбя хола, каковое удержалъ и понынѣ».

Ядринъ — въ 1774 г. «Купецъ Засыпкинъ съ 40 чловѣками, имѣя собственную мортиру, пушки и прочее огнестрѣльное оружіе, сдѣлалъ изъ города вылазку, разбилъ ихъ (пугачевскія) толпы, спасъ городъ отъ большаго опустошенія и раззоренія».

Чистопольскій уѣздъ. Деревни: Шербень и Татарская Киреметь. «Малая Окша, называется по чувашски Хирь-Хола, т. е. дѣвичій городокъ (земляной городъ) съ глубокимъ ровомъ и высокимъ валомъ, длиною 60, шириною 50 сажень. Чуваша утверждаютъ, что въ немъ имѣла свое пребываніе нѣкая дѣвица дочь Болгарскаго царя. 3-й земляной городокъ при рѣчкѣ Сулча такъ же круглый съ валомъ и ровомъ. Оной городокъ Чуваша называютъ Хола-Вырнъ Киреметь. Они вѣрують, что со времени опустошенія ево поселился въ немъ и имѣетъ свое пребываніе ихъ злотворное Божество, называемое на ихъ языкѣ Киреметь, которому страждущіе изъ нихъ разными болѣзнями о освобожденіи отъ оныхъ приносятъ жертву».

Въ лѣсахъ Казанской губерніи «на вершинахъ крутыхъ горъ, при стремнинахъ и при подошвѣ оныхъ, при протекающихъ рѣчкахъ и источникахъ имѣются построенные идолопоклонническими народами, какъ-то: черемисами, вотяками, чувашами и мордвою, молбищи. Въ нихъ злотворному Божеству посвященный лѣсъ огораживается частоколомъ.—Молбищи имѣють фигуру эллипса или продолговатаго 4-угольника со входомъ съ восточной стороны.—Предъ нимъ къ полуночи находятся требища, гдѣ они заколають разныхъ скотовъ, птицъ и звѣрей, приносятъ имъ въ жертву;—нѣкоторыя кости животныхъ сжигаютъ во огнѣ, а послѣднія варятъ въ котлѣ и ѣдятъ.—Внутри сказанныхъ загородокъ между пустыни деревьями находятся и такія, о которыхъ воображаютъ они, что будто въ нихъ сіи злотворныя Божества невидимо обитають, присмлють приносимыя ими молитвы и жертвоприношенія».

«Деревья», изъ которыхъ дѣлаются требища, «удостоваяють они къ обитанію злотворныхъ своихъ Божествъ такимъ образомъ: когда придетъ въ ветхость загородка, тогда обставливають ея тѣ деревья вкругъ и чрезъ 3 года считаютъ ихъ священными и удостоенными въ обиталищахъ помянутыхъ Божествъ. Сказанные народы раздѣляютъ свое Божество на 2 рода, т. е., на благотворныхъ и злотворныхъ, подъ названіемъ благотворныхъ разумѣють они благотворящихъ имъ Бога вышняго, царствующаго надъ ними Государя, солнце, и прочихъ числомъ до 40, а подъ именемъ злотворныхъ живущихъ въ лѣсахъ и въ водахъ духовъ по ихъ называемые Киреметь, наносящихъ разныя болѣзни, бѣды и несчастія и имъ число не опредѣляютъ».

«Благотворнымъ Божествамъ приносятъ они жертвы какъ общенародныя, такъ и частныя на открытыхъ мѣстахъ иногда и съ музыкой.—Жрецъ предстоитъ жертвеннику въ бѣломъ одѣяніи, такъ же и народъ одѣтый въ

бѣлыя одежды;—а злотворнымъ божествамъ въ лѣсахъ подъ тѣнію деревь. О семъ обстоятельно значится въ описаніяхъ моихъ о сказанныхъ народахъ».

«Русскіе дворцовые экономическіе, ясажные крестьяне, чуваша, мордва, вотяки, черемисы, и татары состоятъ на положенномъ казенномъ окладѣ. Они упражняются въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ;—къ чему болѣе русскихихъ, вотяки, чуваша и мордва рачительны».

«Вотяки и чуваша народъ весьма трудолюбивый и изобилуютъ хлѣбомъ. Они не только съ великимъ стараніемъ въ работѣ упражняются сами и принимаются за оную съ восхожденіемъ солнца,—но и малыхъ дѣтей своихъ къ тому приучаютъ, такъ что лѣтъ десяти дѣвочка косить сѣно, жать хлѣбъ, и убирать ево съ полей научается,—вмѣсто того, что татарскія женщины и взрослые дѣвки не прежде, какъ въ десятомъ часу утра набѣлившись и нарумянясь выходятъ на работу и не столько упражняются во оной, сколько смотрятъ на народъ мимо ихъ проѣзжающій.—Равнымъ и черемисы ко всему оному не прилежны, отъ чего претерпѣваютъ они во всемъ недостатокъ.—Но къ пороку вотяковъ и чувашъ причестъ можно, что они суетѣрны,—ибо начинаютъ косить траву и жать хлѣбъ позже, нежели русскіе, боясь злотворныхъ своихъ Божествъ и воображая, что будто они раннимъ кошениемъ и жатвою ихъ овлобятъ и навлекутъ на себя ихъ казни. Неменѣе разворяетъ вообще всѣхъ сихъ народовъ и то, что они, послѣдуя обычаю платятъ за женъ великія деньги, что по ихъ называется қалымомъ, которому цѣна время отъ времени возвышается.

По пожалованіи Графомъ Орловымъ вотчины по Волгѣ въ Самарской лудѣ, положили они платежъ за невѣсть какъ съ татаръ, чувашъ, такъ и съ прочихъ народовъ не болѣе какъ по 5 рублей за невѣсту,—почему всѣ молодые люди поженились, не осталось въ вотчинѣ ихъ ни единой престарѣлой дѣвки, не сталъ народъ болѣе чувствовать тягости и разворенія⁶⁴⁾».

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Тук-уйӓхӓ.
- 2) Вӓроятвӓй: туклени.
- 3) Ерне кун—недѣльный день.
- 4) Йун кун.
- 5) Йашка.
- 6) Савӓран пулӓ.
- 7) Шӓртган и ширтан.
- 8) Пӓрле пурӓнас. Говорятъ: „савӓр сӓме кӓр“—войди закусить хлѣба.
- 9) Тӓре.
- 10) Сарӓ.
- 11) Шупӓр.
- 12) Хушпу.
- 13) Смысль слова не извѣстенъ, да и написаніе искажено до неузнаваемости.
- 14) Чувашская тевет въ настоящую пору среди нихъ сдѣлалось археологическою рѣдкостью. Лѣтъ 35 назадъ тому въ ядринск. уѣздѣ употреблялась какъ украшеніе для выѣздовъ по преимуществу на свадьбы.
- 15) Туӓа встрѣчается еще и нынѣ, напр., въ цивильскомъ уѣздѣ.
- 16) Писмелле пӓр-тӓрли. 1-е слово заимствовано изъ татарской мухаммеданской молитвы, начинающейся словомъ: бис-милля $\text{بِسْمِ اللّٰهِ رَحْمٰنِ رَحِیْمِ}$
- 17) Тав-та-пус Турӓ, Патша, Пулӓх — спасибо (вамъ) Богъ, Царь, Вѣстникъ.

18) **Сырлах.** Обычное выраженіе языческихъ молитвъ.

19) **Нрәсем**—добрые, святые. Эти божества обслуживаютъ человѣка.

20) **Йумәс'ью** можетъ быть и мужчина и женщина. Но бываетъ имъ по преимуществу то лицо, которое имѣетъ даръ импровизаціи молитвословій во время жертвоприношеній. **Йумәс'** вызываетъ у боговъ волю и сообщаетъ её людямъ. Взаимообщеніе божества и **Йумәс'и** происходитъ во время сна **Йумәс'и**. Дѣятельность его или ея происходитъ главнымъ образомъ въ случаяхъ болѣзни или вообще несчастій у чувашина. Вліяніе **Йумәс'ей** простирается иногда на цѣлые уѣзды, не говоря уже объ обществахъ. Существуютъ прославленные **Йумәс'и**, къ которымъ пріѣзжаютъ изъ-за сотни верстъ. Когда нужно совершить жертвоприношеніе общественное или частное, не обходится безъ **Йумәс'и**. Онъ или она указываетъ родъ жертвы и опредѣляетъ мѣсто жертвоприношенія. Больной чувашинъ, утратившій надежду на выздоровленіе, призываетъ **Йумәс'** и исповѣдуетъ предъ нимъ или предъ нею грѣхи свои.

21) **Каләм.** Въ ядринскомъ уѣздѣ холәм.

22) **Хата** означаетъ свата, а не сватовство. Для послѣдняго существуетъ особый терминъ „**Хёр каласни**“—буквально: сговоръ дѣвицы.

23) Можетъ быть слѣдовало бы назвать „**хәпартлу зүк-деме**“.

24) Есть слово **кёрү**—женихъ, младшій зять. „**Крюгаси**“ можетъ быть есть искаженное: **аслй кёрү**. Но посаженнаго отца едва-ли гдѣ-либо зовутъ такъ. Обычное его имя **хәйматлйх атте**.

25) **Пүлөх**—вѣстникъ.

26) **Сыпәкля вәпё.**

27) **Хәйматлйх.**

28) **Тибя (?) патәр, умәнта пультәр, пусть тебѣ будетъ, предъ тобою будетъ.**

29) **Ситзёшне ирттерес**—провести седьмой (день).

30) **Сылйх (?) ирттерес**—грѣхъ провести.

³¹⁾ Ёҫ.

³²⁾ Аттене тибя (?) патър, авнене тибя (?) патър.

³³⁾ 1) Ҫўлти Турă, 2) Турă Ашшѣ, 3) Турă Амăшѣ, 4) Ҫѣрти патша, 5) Ҫутă тѣнѣ (?), 6) Ҫўлти Кепе, 7) Ҫун ҫуратан или ҫуратакан Турă, 8) Хѣвел, 9) Хѣвел Амăшѣ, 10) Етем (?) Турă, 11) Ырă Турă, 12) Перекет Турă, 13) Перекет Амăшѣ, 14) Ҫўрен Ырă, 15) Ҫѣр Ашшѣ, 16) Ҫѣр Амăшѣ, 17) Ҫуратан Турă, 18) Пўлѣхѣ, 19) Пўлѣхѣ Амăшѣ, 20) Пихампар, 21) Сурăх ашшѣ, 22) Пѣр Тѣрли, 23) Ҫулен (?), 24) Ёҫ Турă, 25) Килти Турă, 26) Картари Турă, 27) Шыври (?) Турă, 28) Върман Турă, 29) Хирти Турă, 30) Ҫил, 31) Ҫил Амăшѣ, 32) Вутă—огонь, 33) Ҫил ҫунаѣ.

³⁴⁾ Аслă.

³⁵⁾ Вăта (ҫѣрти).

³⁶⁾ Кѣҫѣн.

³⁷⁾ 1) Вылари ырăсем, сынъ его ҫѣрти кепе, 2) Кутър султан (?), 3) Сѣве ҫинѣи (?) ырăсем, святыя, находящіяся въ Свiяжскѣ (или на Свiягѣ), 4) Ҫилнѣ ҫинѣи Ырăсем, благіе (святыя), находящіяся на Цильнѣ (рѣкѣ), средніе: 1) китам (?) Ырăсем, 2) Малим Хуҫа, 3) Минтўпе (?) Ырăсем, 4) Ашул-вар Ырăсем, благіе (или святыя), находящіяся въ ажуловомъ оврагѣ, малыя: 1) Кѣҫѣп Ырăсем—младшія святыя, 2) Вăталăх Ырăсем—среднія святыя, 3) Алси ҫинѣи (?).

³⁸⁾ Атъл. Греческія писатели называли можетъ быть со словъ туземныхъ жителей *Ἰγγλ*.

³⁹⁾ Атъл ҫинѣи ырăсем, Волжскія святыя.

⁴⁰⁾ Ханям авторъ, вѣроятно, поставилъ вмѣсто слышаннаго имъ хайар—злой.

⁴¹⁾ Кювам. Авторъ, конечно, слышалъ йăваш—смирный, кроткій, но поставилъ вм. хайар.

⁴²⁾ Тўрѣлѣх (?).

⁴³⁾ Три—избы Шемурши.

⁴⁴⁾ Кăвак хуппи уҫалай.

⁴⁵⁾ Вѣроятно, нужно было поставить слово „Цильна“.

⁴⁶⁾ Ҫырлах, ҫырлах.

⁴⁷⁾ Правильный текстъ этой молитвы такой: сѣлти туря-сѣрти патша, сырлах, ан пѣрах, касар; пур ывѣл-хѣрѣмпеле, пур мулѣмпала, хурѣнташ ѣрупала сѣме тырѣ-пулѣмпала хуранпа, пѣтѣпа, пѣтке сѣрапала зунѣмпала савса зѣк-тѣватѣп, таса зунпа асѣнатѣп, тав-тѣватѣп, сырлах, аслѣ сѣлти турѣ, сѣрти патша; хура халѣха сывлѣх, ырѣлѣх пар, перекет пар, иксѣлми тивлет пар.

⁴⁸⁾ Алѣк патне кѣрѣ пар, тѣпеле вин пар, сѣе тулли аѣа пар.

⁴⁹⁾ Вутѣм, сырлах, ан пѣрах; килѣм-сѣртѣм аѣам-тѣѣама сывлѣх пар.

⁵⁰⁾ Сѣутѣ сѣнталѣкра пултѣр—пусть будетъ въ свѣтломѣ мѣрѣ.

⁵¹⁾ Тамѣкра пулѣ—будетъ въ аду.

⁵²⁾ Чувашскій текстъ и русскій переводъ правильнѣй нужно передать такъ: Вутта курсассѣн, пѣзѣен тѣма кала; сѣнна курсассѣн, сѣкѣр сѣме кѣртсе ѣар.—Увидѣвъ огонь, вели быть (ему) одинокимъ (т. е. не распространяться на окружающіе дома и строенія); увидѣвъ человѣка, (идушаго со стороны), прими и накорми хлѣбомѣ. Сѣапла капла ан калаѣ, сѣн арѣмне ан зупту. Такъ и сѣѣкъ не говори. Чужой жены не цѣлуй.

⁵³⁾ Годъ крещенія указанъ неправильно. Архивныя данныя свидѣтельствуютъ, что чуваши впервые и сравнительно въ большомъ количествѣ крестились въ 1552 году, съ 1553—1740 годъ были лишь случайныя обращенія чувашъ въ христіанство, главная масса ихъ крестилась между 1741—1764 гг.

⁵⁴⁾ По сообщенію свящ. А. С. Иванова, одна изъ графинь Орловыхъ принималъ дѣятельное участіе въ крещеніи чувашъ. (Чтенія въ Моск. обществѣ ист. и древн. рос., 1903 г., т. IV: „О графинѣ А. А. Орловой-Чесменской, какъ ревнительницѣ просвѣщенія чувашъ—язычниковъ“).

